

Методологическая экспертиза и функция конфигуратора

Анисимов О.С.¹

¹ Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Москва, Россия

ИНФОРМАЦИЯ О СТАТЬЕ:

Получено: 09.03.2018
Опубликовано: 31.03.2018

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА:

философия, методология, психология, экспертиза, культура мышления, игромоделирование

АННОТАЦИЯ:

В статье описан методологический подход к процедурам экспертизы. Раскрыты особенности при коллективном осуществлении интеллектуальной деятельности, в управлении, в аналитике, в научных исследованиях, в стратегическом проектировании и управлении и т.п., где эксперт имеет результат внутренних согласований компонентов материала автора или авторов. Отмечены процессы осуществления оценивания версии, представленной в письменной или устной форме, где эксперт сталкивается с неизбежной необходимостью реагирования на множественность фрагментов содержания мысли, в той или иной степени разнородности.

Methodological expertise and configurator function

Anisimov O.S.¹

¹ The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Russia

ARTICLE INFO:

Received: 09.03.2018
Accepted: 31.03.2018

KEYWORDS:

philosophy, methodology, psychology, expertise, culture of thinking, gamemodelling

ABSTRACT:

The article describes methodological approach to the examination procedures. We reveal peculiarities of collective implementation of intellectual activity in management, analytics, scientific research, strategic design and management, etc., when the expert has the result of internal harmonization of the components of the author's material or authors. We note processes for assessing the version presented in written or oral form, when the expert faces the inevitable need to respond to the multiplicity of fragments of the content of thought in varying degrees of heterogeneity.

CITATION

Анисимов О.С. Методологическая экспертиза и функция конфигуратора // Живая психология. — 2018. — Том 5. — № 1. — С. 77–91. — doi: [10.18334/lp.5.1.39027](https://doi.org/10.18334/lp.5.1.39027)

Anisimov O.S. (2018) Metodologicheskaya ekspertiza i funktsiya konfiguratora [Methodological expertise and configurator function]. *Zhivaya psikhologiya*, 5(1), 77–91. doi: [10.18334/lp.5.1.39026](https://doi.org/10.18334/lp.5.1.39026)

Одной из типовых процедур в аналитике и консультировании является оценка «образца», действий, отношений, мышления, нормативных и иных материалов. Эту процедуру чаще называют «экспертизой». Для того чтобы оценить образец, оценивающий должен сначала «понять» предлагаемый материал, прежде всего выраженное в тексте представление об образце, следовательно, результат отражения специфических особенностей образца. Для образцов деятельности, мышления, социокультурных отношений и т.п. отражение осуществляется в рамках использования рефлексивного механизма и построения рефлексивного текста либо самим ранее действующим и демонстрирующим образец, либо вводящим во внешнюю рефлексивную позицию. Поэтому порождается рефлексивная коммуникация, в которой «автор» сообщает сведения о действиях и оценивающий осуществляет понимание, реконструирует содержание выступления автора, строит в своем сознании образ образца, готовясь к выработке отношения к образцу.

Переход к отношению, в положительной или отрицательной направленности, сначала осуществляется как соотнесение образа, результата понимания, с интегральным, субъективным, досознательным, интуитивным проявлением «Я» оценщика, подобным чувственному реагированию на внешние воздействия. Такое реагирование возникает «внутри» «Я», зависимое от способностей «Я», его типовых атрибутов, его свойств «в-себе» существования как субъективной целостности. Внутреннее реагирование сводится к актуализации одного из возможных состояний «Я», и оно обладает соответствующей содержательной определенностью, представленной как «интуитивный образ». Он и является «партнером» в содержательном соотнесении с образом образца. Поскольку оценивающий в соотнесении рассматривает «свой образ» в

качестве средства оценки и придает ему статус «эталона», то совпадающее в содержании образца трактуется как «положительное» («правильное», «адекватное», «значимое» и т.п.), а несовпадающее — как «отрицательное» («неправильное», «неадекватное», «незначимое» и т.п.). Поэтому предопределяется и перспектива принятия, использования, поддержки и др. образца, его заимствования, разделения на то, что сохраняется для возможного использования и что отстраняется от заимствования, а также перспектива внесения коррекции в образец, совершенствований и развития сохраненных содержаний.

Однако оценка с опорой на индивидуальную интуицию, динамику субъективного бытия вне общения, взаимодействия с партнерами в одном и том же деле, в решении одной, сложной, распределенной задачи или в постановке проблемы обладает высокой случайностью и чаще всего слабой определенностью в силу особенностей индивидуальности, его жизненного пути, опыта, неорганизованности самого процесса построения образа в реагировании, как отражения внешнего воздействия, предмета, так и внутреннего состояния, подчиняющегося множеству внутренних факторов, не связанных с отраженным предметом. При вовлечении механизма внутренней рефлексивной самоорганизации, привлечении возможностей сознания, самосознания, «внутренней речи» и т.п. степень определенности внутреннего образа, отражающего предмет, может увеличиться. Образ, используемый для оценивания, труднее поддается оформлению, доопределению, осознанию. Тем самым мера случайности смыслового, индивидуального образа, его содержательности и определенности остается высокой и в вовлеченности речезыкового механизма в рамках «речи для себя» и «внутренней речи». Рост полноты использования языковой способности связан с участием

в коммуникации сначала в позиции «автора». Осознание ответственности за понимание, его полноту, неискаженность в «речи для другого» приводит к увеличению внимания к реагированию партнера, осуществляющего понимание, а затем и к себе в этом реагировании, к рефлексивной самоорганизации в процессе изложения мнения, построении высказывания, к соблюдению требований, предъявляемых к носителю языка. Смысловая неопределенность снижается за счет привлечения языковых значений, которыми владеет носитель языка, содержательных, семантических стандартов, обладающих наиндивидуальностью содержательных единиц и комплексов. В условиях коммуникации в позициях «автора», «понимающего» и «критика», корректирующего содержание мнения автора, совершенствующего первичное мнение, во взаимодействии с партнерами совершенствуется и качество выраженного содержания. Стимулирующим совершенствование условием выступает активность критика, а также понимающего при проверке правильности понятного в рамках одного и того же языка. В содержании сообщения увеличивается доля значений и уменьшается доля смыслов, а значения обладают конструктивной определенностью различной степени. В профессиональных языках семантическая парадигма, например, «словарь», обладание высокой содержательной конструктивностью и определенностью является базисной требовательностью. Тем самым владеющий парадигмой неизбежно минимизирует вклады индивидуального смыслового выражения. В научной коммуникации, опирающейся и на результаты теоретических разработок, степень определенности еще более повышается, что ведет к дополнительным требованиям к использующему теоретическую парадигму. Именно теоретическая позиция в коммуникации с привлечением теоретика, наряду с привлечением эмпирика, офор-

мляет взаимодействие между ними как «мышление», включающее совмещение сторон — «естественной» (смысловые материалы) и «искусственной» (мыслительные средства квалификации, оценки материала мысли). Конструкты, как дифференциальные (понятия), так и интегральные (теории), становятся оценивающими содержание материала. При этом прототипом позиции теоретика, обобщающего эмпирический материал, является арбитр в дискуссии. Порождая и применяя свои конструкты как критерии оценки мнений, он обобщает содержание, учитывая мнения, создает содержание более высокого уровня абстрактности, «углубляет» содержательность, понимание которого требует не созерцательной практики, а особого видения, ведущего к сознанию «сущности».

Обобщение, индуктивное движение к высшим абстракциям продолжается в философии, в переходе от принципа «объектности» к принципу «онтологичности». На этом уровне обобщения приходят к тому, что Платон называл «идеями», миром идеи и их первооснованию — «идее идей». По своему содержанию они преодолевают разделенность теоретической абстракции, охватывающей «все» имеющиеся дифференциальные абстракции и возможные в дальнейшем, будущих конкретных философов.

” Форма конкретизации, введенная Платоном, получила выражение лишь у Гегеля, в его «абсолютном методе».

The form of concretization, introduced by Plato, was expressed only in «absolute method» by Hegel.

Такие мировоззренческие конструкции становятся высшими основаниями в понимании мироустройства. Они требуют своей конкретизации для «возвращения» к уровню теоретических, научных абстракций, и требование к конкретизации выражено в процедуре «дедукции». Намеченная форма конкретизации Платоном и затем Аристотелем получила выражение лишь у Гегеля в его «абсолютном методе». Метод требует поэтапного раскрытия того, что дано как исходное основание («клеточка»), в которое потенциально вложено все будущее раскрытие в развертывании потенциального в ходе «актуализации», следовательно, сохраняя потенциальное, внося динамическое соотношение потенциального и актуального, как и в любом процессе «развития». Поскольку потенциальное уже устранило в завершении индуктивного движения, конструирования все случайное, то в дедукции демонстрируется «лишь неслучайное». Основу неслучайности, по содержанию, составляет «диалектика», динамическая динамика. Она показывается на всех уровнях и имеет свое динамическое выражение в актуализации как «вертикальной диалектике», в отличие от «горизонтальной диалектики». Полнота диалектики определяется гармонизацией горизонтальной и вертикальной сторон единой диалектики. Единство динамиче-

ски представлена в «циклике», циклической динамике воспроизводящегося универсума с вложенными частичными, под тот или иной уровень частей универсума («нечто»), цикликами, подчиненными универсумальной циклике.

Однако конструкты различного уровня абстрактности требуют неслучайного понимания по своему содержанию и своей графической и иной знаково-символической форме. Трудности в прохождении по пути понимания, а затем овладения, оперирования в самых разных мыслекоммуникативных условиях стимулируют к введению факторов рефлексивной самоорганизации, потребности в обретении неслучайности в рефлексивном сопровождении семиотического процесса, в его средственном и объектно-содержательном аспектах. Вхождение в неслучайные формы рефлексивности требует критериальной базы, которая разрабатывается в методологии. Тем самым, если рост качества мыслительной квалификации и оценки любого опыта, любых знаний, проектов, проблемных полей и прогнозов, как индивидуализированных в выражении, так и коллективных, зависит от уровня развитости субъективных способностей, а способности соотнесены с применяемыми средствами и методами мышления в отдельных позициях и в кооперативных системах, то рост притязаний и ответственности за оценочные результаты и процедуры каузально связан с овладением всего потенциала культуры мышления. В ней семиотический слой является предваряющим, который замещается приоритетом логического и онтологического, на фоне культуры общей рефлексивной самоорганизации. Общее совмещение и соорганизация опирается на потенциал методологии, вносящей неслучайность, определенность в форму мыслительных процессов в оценивании.

Методологическая экспертиза специфична реализацией оценочных процедур

„ Полнота диалектики определяется гармонизацией горизонтальной и вертикальной сторон единой диалектики.

Complete dialectics is determined by the harmonization of the horizontal and vertical sides of a single dialectic.

в наиболее сложных сюжетах интеллектуальной практики, требующих максимальной организованности совместных, разнообразных процедур, неслучайности, высшей результативности, продуктивности и эффективности. Такова практика стратегической аналитики и стратегического управления в целом. Это тем более значимо при создании и реализации проектов цивилизационного типа, в частности глобальных, «мировых проектов». В методологической экспертизе притязания на неслучайность оценки образцов, перспективных поправок в пользу усиления существенности содержания образцов, а также в сторону использования образцов для их переконструирования в модели, теории, стратегии, парадигмы и т.п. максимальны, что наиболее выгодно для лиц, принимающих решения, за которые нужно нести ответственность. При подготовленности методологов процедура экспертизы может быть осуществлена в любом месте и в любых ситуациях при минимальном хозяйственном обеспечении, но может принять «индустриальные» формы в специфических центрах с множественностью сервисных обеспечений, с совмещением интересов всех иных аналитических функций, всей полнотой рефлексивного пространства организации, региона, страны, мирового сообщества. В случаях индустриализированной аналитики роль методологической экспертизы становится центральной в управленческом мышлении, т.к. она начинает и заканчивает циклы реагирования на стратегически значимые сюжеты жизни макросистем, обслуживая интересы управленческих иерархий и самих иерархов, внося высшую определенность, неслучайность и быстроту в интеллектуальном процессе.

В процедурах экспертизы, особенно при коллективном осуществлении интеллектуальной деятельности авторами версии ответа на какой-либо значимый вопрос или в реагировании на ситуацию

” В случаях индустриализированной аналитики роль методологической экспертизы становится центральной.

In cases of industrialized analytics, the role of methodological expertise becomes central.

в управлении, в аналитике, в научных исследованиях, в стратегическом проектировании и управлении и т.п., эксперт имеет результат внутренних согласований компонентов материала автора или авторов. Поэтому при осуществлении оценивания версии, представленной в письменной или устной форме, эксперт сталкивается с неизбежной необходимостью реагирования на множественность фрагментов содержания мысли, в той или иной степени разнородности. В то же время он должен дать оценку «целому», выхода за пределы констатации многообразия «частей», фрагментов, появившихся в ходе выработки точек зрения на что-либо, имеющее значимость для принятия решений. Тем самым функционально эксперт исходит из абстрактной ситуации, с которой столкнулись авторы (автор), и решение касается того, кто может и должен реализовать решение. Он предполагается как вошедший в ту или иную деятельностную позицию, которую обслуживают его рефлексирующие «помощники», если он не предъявляет версию сам.

Сама необходимость в процедуре перехода от констатации частей содержания мысли, в любых вариантах и уровнях выраженности, к построению синтетического замещения в рамках установки на то, что содержанием мысли должны быть единицы «объектного» типа и их множе-

ства, создающие «среду» для поведения отдельных объектов, является естественной в интеллектуальной практике. Она встречается «везде», но выделяется в коммуникации, в реализации функций автора, последовательно вводящего содержание версии, в функции понимающего, последовательно воспроизводящего содержание авторской версии, в функции критика, избирательно корректирующего мнение автора, стремясь его усовершенствовать, а также и дискуссанта, порождающего альтернативную версию, соотносясь с целым и частями версии автора. В коммуникации высокую значимость обретает определенность содержания и объектная устремленность в содержании, проистекающая из реалистичности отражения посредством мышления.

Однако приход к принципу «объектности» предполагает преодоление принципа «процессуальности», доступного на базе опыта созерцания, непосредственного уподобления воздействиям извне в их динамике. Поскольку созерцание и его простейшая форма — ощущение и восприятие, а затем и воображение, зависят от соотношения между проявлениям самого объекта и всеми меняющимися влияниями на него, то следы уподобления и внутренней активности в воображении дают случайную, меняющуюся, не создающую устойчивость картину внешнего и внешне-внутреннего образа, в котором сама представленность объекта маскируется представленностью влияния ситуационных факторов и факторов внутренней активности. Свою роль играют те внутренние факторы, которые реализуют функцию оформления, «структурирования», следовательно, и внесения устойчивости объединения оформляемых частей, внесение целостности. Тем самым, как это обсуждал Кант, способности живого организма, тем более на уровне человека, предполагают как упо-

добление в познавательном отношении к реальности, так и организацию материала уподобления. Но организация и этим структурирование являются лишь предпосылкой придания возникающей определенности материала запечатления объектного характера, совмещающая воображение и оформление, лежащие в основе конструирования образов. Само конструирование должно подчиниться уподоблению иного рода, чем простое процессуально уподобление. Уподобиться следует именно самому объекту, чем и преодолевается случайность и «бессодержательность», «формалистичность», «нереалистичность» конструирования. Гегель поэтому различал конструирование «для-себя» и «для-иного», как самовыражение в нем и как познавательное самовыражение.

В коммуникации само понимание проходит те же этапы. Построение смыслового образа в восприятии текста автора сначала может быть уподобляющим и этим сохраняющим случайное в самовыражении автора, а затем в связи с ощущением неопределенности результата восприятия в его содержательности, трудностями в ответе на вопрос о том, что же предложил автор, привлекая воображение и организующее материал структурирование. Создается версия того, что предложил автор, которую необходимо проверить, задавая вопросы на допонимание. Понимающий представляет как конструктор и текста, вторичного для авторского, и содержания текста. Придание материалу организованности, структурности ведет к увеличению ясности в отношении версии автора, но ясности по меркам понимающего, самого конструктора. Следует еще приблизить конструкцию к тому, с чем бы согласился автор. Только после его согласия возможно переконструирование в пользу оппонирования или совершенствования содержания версии автора. В рамках

коммуникации структурирование зависит от свойств языка, его семантической и грамматической парадигмы, опирающейся на обобщение опыта познания, введения стандартов в слоях средств, знаково-символического корпуса, и в слое семантики, стандартов содержательного типа. В них уже заложена реализация принципа «объектности», но в общем виде, что предполагает операции конкретизации. Само совершенство словарей, где предельно представлены результаты организации материала познания и опыта коммуникативного взаимодействия, зависит от степени нейтрализации ограниченности принципа «процессуального» видения мира. В словаре основой семантического совершенства выступает созидание неслучайной картины объектного бытия, мировоззрения, т.е. создание иерархии объектного видения, на вершине которой порождается онтология, сущностная версия бытия в целом. Она создается в реализации философской функции в познании, нейтрализуя ограниченность научно-предметных, теоретических конструкций. Такое абстрактное конструирование отделяет содержание мысли от результатов созерцания, вводит «невидимое» содержание, которое и трактуется как «сущностное», «глубокое». Потребитель таких конструкций должен приобрести способность к владению этими содержательными конструкциями как владелец «сущностями», о чем говорил еще Платон, предлагая учение об «идеях», а также и его предшественники онтологи, начиная от Фалеса.

Тем самым в коммуникации структурирование смыслов, созидаемых понимающим, а затем критиком, корректируется применением языковых парадигм, семантических стандартов, конструкторов объектного типа, вносящих момент собственно «целостности» того, что познается. Появляется образ причины процес-

сов, источника смены состояний «одного и того же». В немецкой классической философии подробно обсуждался этот механизм в познании и выделялась роль познающего, вносящего через свое «Я» основание всех проявлений объекта в объектном конструировании. Сама способность познающего строить объектные конструкции связана с порождением основания субъективных возможностей в рамках потребности в конструировании целостностей. Путь обретения таких способностей показал Гегель, продолжая и уточняя мысль Канта, Фихте, завершая ответ на вопрос о приходе к способности познания «истины», вводя свою версию о становлении высшего уровня развития «духа», «абсолютного духа». Но на высшем уровне конструирования результатом становятся уже не объектные единицы, «нечто», а метаобъектные и их конечный тип — онтология, отражающая универсум, его «вечные законы».

Тем самым прототипом конфигуративных процедур выступает естественное структурирование на простейшем уровне познания, а затем структурное и системное совмещение механизма языка. Особую роль в коммуникации играет организатор коммуникативного взаимодействия. Он вводит автора, понимающего и критика в кооперативное целое, порождая эффект «цикла», в котором есть начальная версия и переход к «более современной», после совмещения пози-

„ Особую роль в становлении культуры мышления играет игромоделирование.

Game modeling plays a special role in the development of a culture of thinking.

ционных действий организатор может переходить к реализации управленческой установки на совершенствование и содержание версий и способов коммуникативных действий в кооперации. Следствием такого перехода выступает появление «игротехнической» позиции в игромоделировании. Осуществляя организацию мыслительных и рефлексивных действий многих игроков, игротехник осуществляет, когда это необходимо в решении игровых задач, конфигурирование. Оно предстает как «подведение итогов», как «сборка результатов», доведение до полезного уровня с точки интересов вклада группы в целое игрового коллектива, ставящего и решающего значимую проблему. Но игротехник также направляет усилия группы на выработку ими версий резюме, на обретение опыта выступать от имени группы на пленарном взаимодействии, что возможно лишь решая конфигуративные задачи и проблемы. Такие задачи возникают и во взаимодействии игротехников, в их игротехнической рефлексии при разработке решений, касающихся последующей фазы игропроцесса в едином игроцикле. При взаимодействии игротехников, как руководителей групп, возникают все сюжеты в рамках рядоположенности мнений, их случайного взаимоучета в структурировании, перехода к неслучайному структурированию и затем к системному сопряжению. Организацией взаимодействия в игротехнической рефлексии занимается метаигротехник, руководитель игры, игромодельного процесса. Он и осуществляет конфигуративное действие в целях придания рефлексии и ее содержательности «целостного», единого для всех характера с внесением вкладов каждым типовым участником как «части в целом». И тогда игротехники, как «нижестоящие» руководители, соотносят свои замыслы с единым процессом, определяют адекватный потребностям целого

вклад и вовлекаемые в него действия и результаты, усилия игроков, сохраняя их самовыражение, но подчиняемое целям группы и всего игроколлектива.

Как мы видим, типовые действия и циклы действий в функции конфигурирования возникают на всех уровнях сложности интеллектуальной практики. Чаще это трактуется как следование системному подходу в тех кооперативных позициях, где требуется целостность либо содержаний, либо совместных действий. Если напомнить о больших проектах типа «атомный», «ракетный», а также «красный проект», проект создания СССР как современной могучей Державы и т.п., то очевидным выступает решающая роль организации, системного сопряжения усилий представителей различных типов деятельности, сфер деятельности, различных научных предметов и научных школ, различных базисных парадигм в дискутировании и т.п. Организационно-процессуальные и кооперативно-позиционные технологии стали условием успеха макропроектов, стратегического успеха. Однако в их реализации и оценке перспективности возникли моменты проблематизации, понимания принципиальной недостаточности их потенциала. Причина этих выводов раскрывалась на базе иной технологической ориентации.

Несмотря на уроки немецкой классической философии, от Канта до Гегеля, которая выделила особую значимость внимания не на процесс и даже форму процесса при изучении любого явления, а на механизм, его «в-себе» бытие как источник активности любого «нечто», на особенности его основания, подчиняющего все проявления всех частей, на его «способности», потенциальность. Чтобы обратить внимание на эти основания, следует сначала реконструировать видимое, проявления: основанное, ситуационное, случайное, и лишь затем присту-

пить к конструированию версий причин и, прежде всего, версий механизмов, «устроенности» анализируемого объекта, который, опираясь на свое «в-себе», проявляется в бытии «для-иного», «для-себя», а при развитии или деградации — «для-в-себе» бытии. Конструирование лишь начинается с реализации организационно-мыслительной функции структурирования и продолжается в реализации функции системного сопряжения. Все это выявляется на базе рефлексивного сопровождения действий и углубляется в рефлексивной коммуникации благодаря позиции организатора коммуникативного взаимодействия, внося момент конфигурирования. Неслучайность конфигурирования в коммуникации обеспечивается, в свою очередь, не столько новым слоем рефлексии, сколько введением позиции арбитра. Арбитр конструирует абстракции как средства оценки версий, уподобляясь позиции теоретика в науке. Именно арбитражная работа в коммуникации придает определенность процессу и результату мышления коммуникантов, стимулирует обоснованность, доказательность воззрений, вносит неслучайное, основание предлагаемых содержаний, обеспечивает качество мыслительным результатам и процессам, ведет к появлению единого основания.

Несмотря на достаточную очевидность такой трансформации первичных форм мыслекоммуникации, она оставалась в тени до выделенности позиции организатора, ее рефлексии, выявляющей особую значимость конфигурирования. Такая выявленность и придание рефлексии коммуникации и кооперативных систем, их процессуального проявления выделилась в методологии, появившейся в середине 50-х гг. XX века в России. Обращение внимания на рефлексия дополнилось осознанием роли критериальных средств в оценках рефлексивных и базисных процессов, ставшими осно-

„ Владение организационно-процессуальными и кооперативно-позиционными технологиями стали условием успеха макропроектов, стратегического успеха эпохи СССР.

Possession of organizational procedural and cooperative-position technologies became a condition for the success of macro-projects, the strategic success of the era of the USSR.

вой языкового потенциала методологии (ММК — московского методологического кружка). Переход к проведению организационно-деятельностных игр в 1979 г. обозначил рубеж между кооперативно-мыслительными взаимодействиями в методологических семинарах с ростом рефлексивного сопровождения и кооперативными взаимодействиями между разнотипными участниками рефлексивного анализа проблем управления в системах и сферах деятельности. Роль конфигурирования в игромоделировании возрастала непрерывно. Этим практика больших проектов 40—50-х гг. дополнилась критериально обеспеченной рефлексией, следовательно, и обращенностью к роли субъективного потенциала в совместных действиях в мышлении, роли критериальных парадигм. Наметилась тенденция более явного использования стандартов культуры мышления, логики и онтологистики, наряду с другими составляющими механизма культуры (в слоях мотивации, самоопределения, самоорганизации, воли и т.п.).

В свою очередь, уже внутри слоя логической самоорганизации выделились аспекты «рассудочных» и «разумных» форм организации мысли. Представители принципа рассудочности (ММК) вносили значимость рефлексивной относительности конструкций, выражая этим тезис Гегеля о том, что рассудок разделяет целое, тем самым синтезирование остается структурным. Акцентировка на разумности, следование философско-логической базе Гегеля в Московском методолого-педагогическом кружке (с 1978 г.) вело к тому, что рассудочное синтезирование и относительность целостностей является лишь этапом к иной форме синтеза, «разумной», выраженной Гегелем в «абсолютном методе». Он опирается на диалектическую дедукцию и переходимость содержания мысли от целостности к целостности, высшей абстрактности содержания целого к более конкретной. Поэтому выделилась роль высших, собственно онтологических абстракций, «клеточек», проходящих в актуализации путь «развития». Для обеспечения методологической работы, в том числе в игромоделировании, создавались измененные, «разумные» парадигмы средств,

критериев рефлексивной коммуникации, а также и научно-предметных парадигм. Это позволяло создавать иерархию парадигм в методологическом мыслительном пространстве. Потенциал возможностей конфигурирования непрерывно рос.

В связи с унификацией онтологического арсенала, появлением базисных схем мировоззренческой значимости («метафизическая семерка», «ничто», «метафизический ромб») и введением базисных средств цивилизационного подхода (2006—2007 гг.) возникла типовая иерархия онтологий, позволяющая придать явную онтологичность объектным схемам, отражающим устройство общества. Появилась и базисная схема для анализа стран, типов стран и т.п. («страна»), развертывание содержания которой обеспечивало целостное, конфигуративное отношение к материалу описаний и обычных версий стран, к материалу исторической динамики. Рефлексия применения средств цивилизационного анализа, в том числе схемы «страна», привели к утверждению об отсутствии глубинного слоя исторических реконструкций, отсутствия профессионально значимых исторических версий, т.к. профессионализация неотделима от соответствующих предмету парадигм, а для истории адекватна лишь цивилизационная парадигма. Цивилизационные версии последнего времени, ставшие популярными, обладают рассудочной технологией в конфигурировании, не вносят объектно-онтологической основы. Попытки вносить онтологическую основательность были и во времена Геродота и Фукидида, но они опирались на рыхлую тогда логическую базу мышления. Лишь Аристотель приблизился к логическому уровню оформления устоев мышления, но и он создал только некоторые условия дедуктивно-диалектического вывода. Завершил путь к такому выведению Гегель.

” Именно арбитражная работа в коммуникации обеспечивает качество мыслительным результатам и процессам, ведет к появлению единого основания.

It is the arbitration work in communication that provides quality to the thinking results and processes, and leads to the emergence of a single ground.

Тем самым в рамках разработок ММПК возникла целостная парадигма средств обеспечения конфигуративных процедур. Путь к конфигуративному воздействию на фундаментальные попытки проектирования, а затем и осуществления макропроектов был открыт. С 2014 г. были разработки словаря для аналитиков, вторая часть которого была посвящена цивилизационной тематике и вышла в 2017 г. Параллельно шли разработки образа России будущего и стратегического проекта на ближайшие годы и на весь XXI век. В конце 2017 г. акцент был смещен на Евразию и на мировой проект, в который должна быть вписана Россия. При анализе ситуации в Евразии группой членов ММПК в Алма-Ате, под руководством О.С. Анисимова, была проанализирована версия Китая по «Новому шелковому пути» как направленность на цивилизационное партнерство между Востоком и Западом. Учитывая сложное совмещение прагматических (например, торговых и иных экономических) и цивилизационных целей актуальным становилось совмещение аналитических сил партнеров, призванных к обеспечению новыми, более эффективными способами взаимодействия цивилизационных партнеров. Анализ мыслетехнических возможностей обычных форм, сложившихся в стране, в других странах, по имеющимся сведениям и наблюдениям, а также по характеру содержания тех парадигм, которые были в прошлом, включая рассуждения древних греков, индийцев, египтян, китайцев, шумеров, учитывая принципы, обсужденные в немецкой классической философии, ряд установок в постгегелевский период, особенно опыт ММК, привел к выводу о том, что адекватной устремлениям Китая, положениям Си Цзиньпина нет. Было введено утверждение о том, что мыслетехника участников «Шелкового пути» должна быть различной относительно встреч с

различными цивилизационными партнерами. Если типологизировать их по критерию диалектики, то «положительными» можно считать тех, кто внутренне склонен или готов к реализации идеи партнерства, кто «удобен» для согласования. Но для «отрицательных» партнеров такая мыслетехника в согласованиях неэффективна, для тех, кто не готов, кто не склонен к равным формам отношений, кто склонен к гегемонизму или иным типам противопоставительности. Тем самым, если прогнозировать всю типологию встреч и согласовательных сюжетов, то в острых случаях понадобятся более сложные формы отношений и мыслетехнического обеспечения.

Мировая практика отношений и коммуникации представителей различных стран, их интересов, различных парадигм в рамках различающихся культур и культурно-духовных кодов показывают образцы соответствующих отношений, их динамики, возникающих тупиков, драматизма повторности встреч, нередко бесперспективных. Поскольку перед циклом обсуждений в Алма-Ате нами была осуществлена поездка в Грецию, в которой обсуждались особенности онтологии и логического учения Аристотеля, а ранее, в 2015 г., уже в Италии, обсуждались особенности доаристотелевского мышления древних греков, в 2013 г. в Германии — особенности немецкой классической философии и логической мысли, то, суммируя выводы и учитывая результаты реконструкции «книги перемен» (И-цзинь чжоу-И) в 2005—2006 гг., «Артхашастры» и др., мы пришли к утверждению об отсутствии того типа мыслетехники, который адекватен встрече с неудобным, «противопоставительным» партнером. Это в общем виде чувствовал в своих рассуждениях и лидер Китая, предполагая неизбежные трудности в ходе встреч на «Шелковом пути», демонстрируя открытость

„ На сегодняшний день качество аналитики зависит именно от качества мыслетехники.

Today, the quality of analytics depends on the quality of thought technology.

к совместной сопровождающей путь аналитике. Позднее, имея возможность ознакомиться со сборником статей с выступлением лидера и рекомендацией пути от Дэн Сяопина до Си Цзиньпина в нескольких книгах, мы подтвердили свою гипотезу. В то же время в рамках ММПК на протяжении многих лет мы создавали усложненную мыслетехнику с моментами схемотехники, логических форм и онтологических стереотипов движения мысли, переходы от принципа «дополнительности», присущего формальной логике и рассудочной базе в мышлении, к принципу «систематического уточнения», присущего диалектической логике и разумной базе в мышлении. В период 2000–2010 гг. прямой тип технологического оформления «метода Гегеля» был дополнен технологической формой дедуктивного портретирования больших систем и она была опробована в анализе ряда сюжетов большой истории, в стратегических поворотах цивилизационных единиц. Тем самым сложилась уверенность, что потенциал такой мыслетехники имеет огромную перспективу. Поэтому появилась потенциальная возможность применения в самых сложных сюжетах цивилизационной аналитики, в том числе в условиях аналитического партнерства.

Поскольку в 2016 г. мы стали вводить свою версию пути России в ближайший период и выражать свои соображения в

особой форме («Альбом»), то при переходе к долговременности пути в XXI в. в целом и при учете в 2017 г. евразийского сюжета проблемного поля мы стали исходить из перспективы применения мыслетехнического потенциала для решения проблем разработки технологических стереотипов встреч с «неудобными» партнерами. В конце 2017 г. акцент сместился в сторону создания предпосылок для «мирового проектирования» и учета большой цивилизационной истории (от времен создания г. Асгард 106,8 тысяч лет назад в районе современного г. Омска). Историческая реконструкция, выраженная в «Альбоме-4», позволила выделить ряд мировых проектов, в том числе и проект Китая, начать сопоставительный анализ проектов. В конце января и начале февраля 2018 г. был проведен игромодельный цикл по теме «Мировой проект». В нем рассматривались диалектически противоположные «англо-саксонский», «китайский», «красный» (советский) проекты и переход к проекту России как конфигуративному по своей функции. Тем более что переход к конфигуративной установке был осуществлен и Китаем в рамках XIX съезда КПК в ноябре 2017.

Тем самым злободневность потребности в такой мыслетехнике, которая соответствует зову времени в глобальной цивилизационной динамике, необходимости порождения путей преодоления глобальной напряженности, в том числе в евразийском регионе, противопоставительности Запада и Востока, Севера и Юга предопределяет усилия аналитических сообществ в слое не только рефлексии мировых сюжетов в целом, но и в той части рефлексивного пространства, где качество аналитики зависит именно от качества мыслетехники. Наш опыт разработок привел к выводу о решающей роли мыслетехники диалектико-дедуктивного типа. Она позволяет гарантировать

успешность, эффективность в постановке и решении проблем в сюжетах аналитического обеспечения цивилизационного партнерства и гармонизации отношений между всеми участниками глобального взаимодействия при наличии осознания объективной необходимости совмещенного бытия, при осуществлении усилий в созидании партнерского самоопределения и самоорганизации, в том числе при выделении организационной позиции относительно партнерского взаимодействия. В этих условиях особую роль играет именно методологическая экспертная деятельность и осуществление конфигуративной мыследеятельности.

ИСТОЧНИКИ:

1. Анисимов О.С. Принятие управленческих решений: методология и технология. — М., 2002. — 436 с.
2. Анисимов О.С. Методологическая культура и принятие решений. — М., 2003.
3. Анисимов О.С. Принятие решения в управленческих иерархиях. — М., 2004.
4. Анисимов О.С. «И-цзинь чжоу-И» как шедевр акмеологической мысли. — М., 2006.
5. Анисимов О.С. Высшие формы профессионализма государственного мышления. — М., 2006.
6. Анисимов О.С. Цивилизация и ее механизмы: становление и разрушение. / В 2-х т. — М., 2007.
7. Анисимов О.С. Основы метааналитики. / В 2-х т. — М., 2007.
8. Анисимов О.С. Цивилизационная безопасность: сущность и становление. — М., 2008.
9. Анисимов О.С. Мышление стратега: модельные сюжеты. / Вып. 1-49. — М., 2009.
10. Анисимов О.С. Мышление стратега: модельные сюжеты // Высшая мыслетехника в цивилизационной аналитике. — 2016.
11. Анисимов О.С. Мышление стратега: модельные сюжеты // Понятийный инкубатор: наука, логика, методология. — 2016. — № 43.
12. Анисимов О.С. Стратегический проект цивилизационного обновления и развития России: первые шаги (версия СЭВ и ММПК). — М., 2016.
13. Анисимов О.С. Стратегический проект цивилизационного обновления и развития России: Россия в XXI веке (версия СЭВ и ММПК). — М., 2017. — 32 с.
14. Бжезинский З. Великая шахматная доска. — М.: Междунар. отношения, 1998. — 255 с.
15. Высокий герметизм. Гермес Трисмегист. — СПб, 2001.
16. Дай Муцай. В чем секрет успеха Китая по пути социализма? 2016.
17. Делягин М.Г. Мировой кризис: общая теория глобализации. / Курс лекций. — М.: ИНФРА-М, 2003. — 207 с.
18. Зиновьев А.А. На пути к сверхобществу. — М.: ЗАО Изд-во Центрполиграф, 2000.
19. Кузык Б.Н., Яковец Ю.В. Цивилизации: теория, история, диалог, будущее. Истоки и вершины восточно-европейской цивилизации. — М.: Институт экономических стратегий, 2008. — 576 с.
20. Лось В.А., Урсул А.Д., Демидов Ф.Д. Глобализация и переход к устойчивому развитию. — М., 2008.
21. О Ли Ланьцин. — Прорыв. М., 2010
22. Панарин А.С. Искушение глобализмом. — М.: Изд-во ЭКСМО-Пресс, 2002. — 416 с.
23. Си Цзиньпин. О государственном управлении. 2016.
24. Стиглиц Д. Глобализация: тревожные тенденции. — М., 2008.
25. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций? // Полис. — 1994. — № 1.
26. Сайко Э.С.В. Цивилизация. Восхождение и слом. — М.: Наука, 2003. — 453 с.
27. Чумаков А.Н. Метафизика глобализации. Культурно-цивилизационный контекст. — М.: «КАНОН +», 2006. — 516 с.
28. Шаталов М.П. Основы культурной политики Китая // Стратегические приоритеты. — 2014. — № 4.

29. Щедровицкий Г.П. Философия. Наука. Методология. — М., 1997.
30. Яковенко И.Г. Циклы развертывания цивилизации и цикличность всемирной истории. — М.: Цивилизация. Восхождение и слом, 2003.

REFERENCES:

- Anisimov O.S. (2002). *Prinyatie upravlencheskikh resheniy: metodologiya i tekhnologiya* [Managerial decision-making: methodology and technology] M. (in Russian).
- Anisimov O.S. (2003). *Metodologicheskaya kultura i prinyatie resheniy* [Methodological culture and decision-making] M.. (in Russian).
- Anisimov O.S. (2004). *Prinyatie resheniya v upravlencheskikh ierarkhiyakh* [Decision making in management hierarchies] M.. (in Russian).
- Anisimov O.S. (2006a). «I-tszin chzhou-I» kak shedevr akmeologicheskoy mysli [«I Chin Chou Yi» as a masterpiece of acmeological thought] M.. (in Russian).
- Anisimov O.S. (2006b). *Vysshie formy professionalizma gosudarstvennogo myshleniya* [Higher forms of professionalism of state thinking] M.. (in Russian).
- Anisimov O.S. (2007a). *Osnovy metaanalitiki* [Basics of metaanalytics] M.. (in Russian).
- Anisimov O.S. (2007b). *Tsivilizatsiya i ee mekhanizmy: stanovlenie i razrushenie* [Civilization and its mechanisms: formation and destruction] M.. (in Russian).
- Anisimov O.S. (2008). *Tsivilizatsionnaya bezopasnost: suschnost i stanovlenie* [Civilizational security: essence and formation] M.. (in Russian).
- Anisimov O.S. (2009). *Myshlenie stratega: modelnye syuzhety* [Thinking strategist: model stories] M.. (in Russian).
- Anisimov O.S. (2016a). *Myshlenie stratega: modelnye syuzhety* [Thinking strategist: model stories]. *Ponyatiynnyy inkubator: nauka, logika, metodologiya.* (43). (in Russian).
- Anisimov O.S. (2016b). *Myshlenie stratega: modelnye syuzhety* [Thinking strategist: model stories]. *Vysshaya mysletekhnika v tsivilizatsionnoy analitike.* 41 (in Russian).
- Anisimov O.S. (2016c). *Strategicheskiy projekt tsivilizatsionnogo obnovleniya i razvitiya Rossii: pervye shagi (versiya SEV i MMPK)* [The strategic project of civilizational renewal and development of Russia: the first steps (version of the Council for Mutual Economic Assistance)] M.. (in Russian).
- Anisimov O.S. (2017). *Strategicheskiy projekt tsivilizatsionnogo obnovleniya i razvitiya Rossii: Rossiya v XXI veke (versiya SEV i MMPK)* [Strategic project of civilizational renewal and development of Russia: Russia in the 21st century (version of the Council for Mutual Economic Assistance)] M.. (in Russian).
- Bzhezinskiy Z. (1998). *Velikaya shakhmatnaya doska* [The Grand Chessboard: American Primacy and Its Geostrategic Imperatives] M.: Mezhdunar. otnosheniya,. (in Russian).
- Chumakov A.N. (2006). *Metafizika globalizatsii. Kulturno-tsivilizatsionnyy kontekst* [Metaphysics of globalization. Cultural and Civilizational Context] Moscow: «KANON +». (in Russian).
- Delyagin M.G. (2003). *Mirovoy krizis: obschaya teoriya globalizatsii* [The global crisis: the general theory of globalization] M.: Infra-M. (in Russian).
- Khantington S. (1994). *Stolknovenie tsivilizatsiy?* [The clash of civilizations?]. Polis. (1). (in Russian).
- Kuzyk B.N., Yakovets Yu.V. (2008). *Tsivilizatsii: teoriya, istoriya, dialog, budushee. Istoki i vershiny vostochno-evropeyskoy tsivilizatsii* [Civilizations: theory, history, dialogue, future. The origins and peaks of Eastern European civilization] M.: Institut ekonomicheskikh strategiy. (in Russian).
- Los V.A., Ursul A.D., Demidov F.D. (2008). *Globalizatsiya i perekhod k ustoychivomu razvitiyu* [Globalization and the transition to sustainable development] M.. (in Russian).
- Panarin A.S. (2002). *Iskushenie globalizmom* [The Temptation of Globalism] M.: Izd-vo EKS-MO-Press. (in Russian).

Sayko E.SV. (2003). *Tsivilizatsiya. Voskhozhdenie i slom* [Civilization. Ascent and pull down] M.: Nauka. (in Russian).

Schedrovitskiy G.P. (1997). *Filosofiya. Nauka. Metodologiya* [Philosophy. The science. Methodology]. Moscow. (in Russian).

Shatalov M.P. (2014). *Osnovy kulturnoy politiki Kitaya* [The foundations of China's cultural policy]. *Strategicheskie priority*. (4). (in Russian).

Stiglits D. (2008). *Globalizatsiya: trevozhnye tendentsii* [Globalization: disturbing trends] M.. (in Russian).

Yakovenko I.G. (2003). *Tsikly razvertyvaniya tsivilizatsii i tsiklichnost vseмирной istorii* [Cycles for the deployment of civilization

and the cyclical nature of world history] M.: *Tsivilizatsiya. Voskhozhdenie i slom*. (in Russian).

Zinovev A.A. (2000). *Na puti k sverkhobschestvu* [Towards super-society] M.: ZAO Izd-vo Tsentrpoligraf. (in Russian).

Сведения об авторе:

Анисимов Олег Сергеевич, доктор психологических наук, профессор, профессор кафедры акмеологии и психологии профессиональной деятельности, руководитель методологического центра «Цивилизационные стратегии».

E-mail: humani12@mail.ru

